

УДК 801.6

Л. В. Иванова

Повтор как выразительное средство поэтической речи (на материале произведений авторов Оренбуржья)

В статье на материале контекстов, извлеченных из стихотворений оренбургских авторов, характеризуются словесные и синтаксические повторы, рассматриваются особенности их употребления в поэтической речи.

Ключевые слова: словесный повтор, полипитон, анафора, эпифора, параллелизм, хиазм, подхват, кольцо, эпанафора, триолет.

Одним из действенных средств усиления смысла текста, его экспрессии, аранжировки является повтор.

Различаются повторы звуковые, если автор преднамеренно, с целью передачи звукописи или звукоподражания, повторяет гласные или согласные звуки или их сочетания; морфемные, если автор использует образные возможности повторяющихся словообразовательных типов, пар, цепочек, парадигм, гнезд, отдельных аффиксов; словесные, если автор обращается к образным ресурсам лексического повтора; синтаксические, если автор повторяет с какой-либо целью словосочетания или предложения.

Цель статьи — охарактеризовать типологию словесных и синтаксических повторов (морфемные были нами охарактеризованы в статье [2] и в методическом пособии [3]).

Был проведен анализ стихотворений около 200 оренбургских поэтов. Корпус контекстов с указанными типами повторов равен почти 400 единицам.

Самым объемным оказался набор контекстов со словесным повтором.

Основная цель названного приема — усиление впечатления читателя от того, что изображается; это может быть повышение длительности действия (движения, чувства, речи и др.): ... в ночь на 1-е января — / Непокорная бездорожица: / Множится, множится, множится / Снег оттенками янтаря — М. Бороздин; Плачет, плачет, плачет небо, / Беспрестанно слезы льет — В. Ерофеева; ... тонет, тонет, тонет безответно / Стон журавлиный в небе голубом — Д. Канн; ... время текло, текло, текло, / И хрипло часы звонили — Р. Козачков; Есть одно спасение от муки / Время на томления кромсать: / Карандаш в томящиеся руки — / И писать, писать, писать... — А. Костенко; О своей неудобной судьбе / Говорил, говорил, говорил — / И умолк: взволновали слова — И. Малов; Косая тень окна. / Горящая свеча. / Дыхание твое / Касается плеча... / И времени теперь / Дверей не отпереть, / И той свече святой / Гореть, гореть, гореть... — П. Рыков; ... просто забываться не дает, / Все смотрю, смотрю, смотрю вперед: / Очаровывает белый снег, / Завораживает быстрый бег — А. Фурсов и т.д.

Повтор одного и того же слова может использоваться с целью передачи большого количества того, о чем пишет автор: Вагоны, вагоны, вагоны идут, / И песню морозные / Рельсы поют — В. Жилин; Приходит поезд на перрон. / На пристань — теплоход. / Куда ни глянь — со всех сторон / Народ, народ, народ... — Р. Козачков; Коттеджи, коттеджи, коттеджи / Город берут в кольцо — А. Мелешко; Секунды, секунды, секунды бегут — А. Цирлинсон; нередко обилие изображаемого, его большой объем сопровождается авторскими эмоциями: Ах, эти встречи, встречи, встречи... / И мечешься потом весь вечер, / Тот дивный вспоминая взгляд — В. Ерофеева; Ах, это было, было, было, было — В. Ерофеева; О любви! О любви! О любви! / Возле губ моих плещутся строки / И не могут их

© Иванова Л. В., 2012

остановить / Ни серьезность моя и ни строгость — А. Мелешко; Но не вернуть, не крикнуть даже, / Уздою сердце ввысь вздыбя: / Все дальше, дальше, дальше, дальше / Уносит поезд от тебя — В. Наточий; Мой праздник уехал в вагоне втором, / Уехал, уехал, уехал... / Мой праздник в пути, километры считает — / Любимая, сердце второе мое — П. Твердов; Ах, эти долги, долги, долги! / Жизнь не впроголодь, а как бы внатяг — П. Рыков; Еще все впереди, / Все будет. / К чему волненья? / Но сердце будит, будит, будит / Во мне сомненья — А. Цирлинсон.

Чаще всего поэты обращаются к повтору глаголов, что еще раз подтверждает слова исследователей русского языка, а также поэтов и писателей о том, что глагол — самая сложная и самая емкая часть речи [1], что найти верный глагол для фразы — это значит дать движение фразе [4, с. 488—489].

Среди глаголов самой активной является лексико-семантическая группа со значением движения: ...отражая солнечные блики, / Куст на бугру, да берег, да кулиги, / Бежит, бежит уральская струя, / В которую, грустя, теперь гляжу и я — В. Демурин; ...аист, словно ангел в вышине, / Летит, летит неведомо куда — И. Моргачева; Кружит, кружит лодка... / Синь и зелень... Утро. / К берегу причаль — В. Петров; Кидает время на весы / Добро и зло — поступки наши. / Бегут, бегут мои часы... / Какая перевесит чаша? — Е. Пудовкина; В платочке отцветшего ситца / Да с бантом старинных наград / Уходит, уходит станица, / Казачья отрада — Форштадт — П. Рыков; иногда в эту группу включаются глаголы, приобретающие у поэтов метафорическую семантику, например: Мы давно с тобой отвыкли / По земле ходить пешком / И сейчас на мотоцикле / Вдоль по свету жмем да жмем — П. Попов; Сердца людские кружит, кружит / Любви черемуховый хмель — В. Папина.

Разумеется, в наших материалах представлены факты повтора глаголов и других лексико-семантических групп: Я слушал молча голос твой — / Ты пела, пела своей чувствительной душой / И хрупким телом — М. Бороздин; И свет по дому разливая, / Трещат, трещат в печи дрова — Д. Даминов; Село росло, росло в отчизне — / И застарело среди верст. / Стеснились вдоль погоста избы, / Потом и обняли погост — В. Демурин; Нам есть, что сказать, есть, / Конечно же есть, есть, есть! — П. Рыков; В руку нарочно снежинку поймаю, / Жду — не дождусь: не тает, не тает, / Весело так от меня улетает — А. Филатов и др.

Обращает на себя внимание увлеченность поэтов повтором форм повелительного наклонения глаголов, которые, как известно, могут передавать и совет, и наказ, и приказ, и призыв и т.д.: Судьбы натянуты поводья, / Не отставай, иди, иди! — В. Арефьев; Морочь мне голову, морочь, / На душу наезжай и смейся! — В. Демурин; Прощай, прощай! Нежданно отпылала / Твоя свеча, а я еще горю — Н. Емельянова; Проходи, моя жизнь, проходи, / По обочинам рви цветочки, / Чаще в небушко-небо гляди — Н. Лукьянова; Изгони, изгони все сомненья нервные, / Исцели же от них, тихий вечер, меня — А. Мелешко; Жизнь моя — маета и отрада! / Погоди, погоди, погоди! / По дороге, ведущей из сада, / Так поспешно не уводи: / Этот сад, невеликое место, — / Крохотина российской земли — П. Рыков; Расцвети, расцвети, ромашка, / Хоть в лугах твоих жизнь не мед — Л. Чернова.

Повторы слов других частей речи не столь многочисленны, как глагольные, приведем примеры — *существительных*: Я весну, я весну тороплю, / Ломом лед на дорожке долблю, / Напеваю я песню про лето — В. Агаев; Нет, это просто невозможно — / Стихи с любовью разделить: / В стихах живу, в стихах тревожусь, / В стихах люблю, зову любить — А. Карнауков; Весной все обновляется любовью, / Все сходит весело с ума! / Но что же делать нам с тобою? / У нас в душе — зима, зима... — А. Тепляшин; *прилагательных*: Над головою небеса все те же, / Но если только всмотришься сильнее... /

Ведь небеса теперь все реже, реже, / А крыши — все плотней, плотней, плотней — В. Напольнов; Все меньше слов. Но разговор — длинней, / А значит, паузы все чаще, чаще, чаще. / Они давно не исчисляют дней — / С тех пор, как вместе причастились чашей, / Что свыше именована «семья» — П. Рыков; ... уже на душе веселее, / Да и небо светлее, светлее — В. Флейшер; Белая, белая, белая / Кофточка, челка, цветы... / Что ты такая несмелая? / Что невеселая ты? — Ю. Шукаев; *числительных*: Трещит огонь в печи за дверцей, / На стенке — верный карабин, / И бьется мысль, как бьется сердце: / «А я один, один, один...» — Ю. Безус; Но первый луч, и первый легкий звон, / И первое воздушное молчанье / Стеклись по капельке со всех сторон — / И ожил мир, и в музыку влюблен — В. Ерофеева; По одному уходим мы, / По одному, по одному, / В седые волосы зимы / Вплетая черную кайму — В. Шадрин; *наречия*: ... бывает часто в феврале, / Что ртуть в термометре, — все ниже, ниже, ниже... — Т. Белозерова; Надо мною ритмы реют / Все быстрее, быстрее, быстрее — А. Ганюшкина; Вернули в прошлое, / Внесли так бережно, так нежно, / Как на качелях дивных — / Выше, выше, выше... — В. Ерофеева; Нет, не напрасно, не напрасно, / Веселым щебетом звеня, / Проснулся день и смотрит ясно / Глазами неба на меня — А. Костенко; Ой, напрасно я пел, ой, напрасно: / Ненадежна житейская нить! / Даже если мгновенье прекрасно, / Разве можно его повторить? — Ю. Селиверстов; Скорей, скорей, скорей оттаивайте, / Чернила наши самодельные, / И ничего вы не утаивайте! — Г. Хомутов.

Характеризуя повтор слова, можно отметить некоторые особенности в использовании названного приема. Во-первых, нередко поэты вводят в текст несколько повторяющихся *лексем*: Она (песня. — Л. И.) воздушна и легка, / Звучит, зовет издалека, / Зовет, зовет... ты слушай, слушай — А. Журбенко; Холмы, холмы... На них — поля, поля... / Холодных зорь приверженность к унынию... / Но, Господи, все — русская земля! / Как вкусно пахнет горькою полынью! — В. Демурин; Мимо, мимо, счастье, беги, беги! — Н. Лукьянова; Мне все дается иначе — / В прошлое цепко врастаю, / И все-таки плачу, плачу, / И все-таки таю, таю — А. Мелешко; ...по той чистоте целинной / Мы проложили свой новый след, / Ровный-ровный и длинный-длинный, / В мир, где нет ни тоски, ни бед — А. Тепляшин; Среди полей, среди чужих, / Среди дорог, метельных, долгих, / Я, словно лист, кружил, кружил / И вот остался без дороги. — В. Шадрин.

Во-вторых, авторы часто добавляют к слову — при его повторе — какие-то компоненты, которые уточняют, поясняют, расширяют смысл; это могут быть *обстоятельства*, прежде всего *степени*: Рядышком, / Рядышком с пропастью / Проходят мои следы... / Давно живу я с ощущением / Неотвратимой беды — Н. Акисова; Бабье лето просит, просит слезно: / «Осень, дай мне нагуляться всласть!» — Т. Баскакова; Эпоха Рыб, эпоха Рыб ушла, / Но хвостиком эпоха Водолея / По ней прошлась, по ней слегка прошлась — В. Ерофеева; Я с давних, очень давних пор / Несу в душе картину ту: / Забрызган солнцем старый двор, / И зелень скрыла нищету — В. Кузнецов; Верь, не верь, но мною все испито, / Все, до дна... — О. Мялова; За годом год, за годом год / Спиралью бесконечною / Ведет история свой счет, / А жизнь течет, а жизнь течет, / Течет рекою вечною — В. Наточий; Стихи, как сполохи в ночи, / Сжигают сердце, хоть кричи, / Дотла сжигают, до золы... / Стихи бывают очень злы. — Ю. Селиверстов; Листья струились по ветру, / Падали плавно, по метру, / Падали тихо и странно / (Будто катились из раны), / Падали грустно, как слезы... / Ранние были морозы... — Ю. Селиверстов; ...я ведь каждый день, как свечка, / Горю, горю, горю дотла — О. Черемухина.

Повышается информативность текста и за счет определений, добавляемых к повторяемому слову: ...мелодии вальса рождались и гасли, / Сумрак нежно окутывал наши сердца, / А во мне, как пожар, — бесконечное счастье / И любовь, и любовь, и любовь

без конца — Е. Веретенцева; ... человек, застывший / На холоде вселенском, / На холоде межзвездном, / На холоде земном, / Устал в переживаньях, / На все махнул рукою / И побежал согреться... — В. Ерофеева; Да, любовь вольна, как птица, / Птица — радость, / Птица — грусть — А. Журбенко; На крутизне высоких скал, / На льдистой крутизне / Смотри в себя! Смотри, кем стал! — А. Кириллова; Вижу сон, сон, сон, вещий сон: / Старый дом плющом оплетен — Е. Курдаков; Она (любовь. — Л. И.) приходит и уходит, / По коридорам тихо бродит / С ключом от комнаты заветной, / Но не находит нужной двери, / Чтоб, распахнув ее, увидеть / Уменье ждать, уменье верить, / Уменье в горе не обидеть — Е. Курмеева; Ночной костер, нас грустью озари, / Тревожной грустью уходящих дней, / Где места нет душевному покою — А. Цирлинсон.

В-третьих, для передачи длительности изображаемого авторы соединяют повторяющиеся слова союзами *И, Да*: Клубятся лиловые тучи, / Летят и летят на восток — Н. Волженцев; Он (Бетховен. — Л. И.) шел и шел / Сквозь гущу пешеходов — И. Елин; На диване открытая книга / Ждет и ждет терпеливо меня — А. Кириллова; Березы и липы, / Клены и ясень — / Как этот мир прекрасен! / По этому лесу иду и иду... / Наверное, так в райском саду — Н. Лукьянова; Любви распятой подлинную цену / Узнал ли ты, как я? Чуть память тронь — / Сребреники — плата за измену — / Все жгут и жгут предавшую ладонь — А. Мелешко; Версты к верстам — потерян счет... / В небе солнышку плыть да плыть... / Скоро кончится месяц, год... / Может быть, уже? — Может быть... — С. Попова; Я утопаю в твоём янтаре, / Щедрая женщина — осень! / Не улетай, поживи на дворе / И, не жалея, дари и дари / Неба безмерную просинь... — Д. Таганов; За стеклом — все снег, да снег, да снег, / У автобуса — отличный бег, / Словно луч в пространстве — магистраль, / Впереди (конца не видно!) — даль... — А. Фурсов; Опять раскричались грачи... / Кричат, и кричат, и кричат / Свои небылицы и были / О том, где скитались и были / И как возвращались назад — Г. Хомутов; И не горжусь я судьбой! Не горжусь, / Хоть голова запрокинута к небу, / Только тянусь, и тянусь, и тянусь / К вечно насущному черному хлебу — А. Цирлинсон; Жизнь идет да идет не спеша... / Что ж ты вечно не знаешь покоя, / Что ж ты ищешь чудного, душа? — В. Шадрин.

В-четвертых, в качестве добавления напряжения смыслу повторяющихся слов авторы сопровождают их *отрицательными частицами*, и тогда реализуется в тексте убедительная антонимия: А молодость ушла походкой торопливой / И не вернется больше, зови иль не зови — Т. Баскакова; Источился березовый запах / И впитался парною землей, / И так хочется плакать — не плакать / Сладко-горькой счастливой слезой — В. Ерофеева; Лето, лето... Канет в лету / Эта песня о любви — / Ни ответа, ни привета, / Ни прощального совета — / Хоть живи, хоть не живи — А. Журбенко; Жалей — не жалей — быстрокрылою чайкой / Еще один год улетел без возврата — А. Мелешко; И море все не море без приливов — В. Папина.

В-пятых, отмечается особенность в написании повторяющихся слов — через дефис, в основном наречий, реже — других частей речи: Рано-рано, на заре, / Жук проснулся на дворе — Т. Бочарова; Потускнеет звездный небосклон, / Тихо-тихо мгла ночная хлынет — Н. Волженцев; Над моей стороншкой / Черный-черный дым, / Заслонило солнышко / Облаком седым — А. Ганюшкина; Есть только белый-белый снег, / И эти белые равнины так неоглядны, так тихи... / Слагаю снежные стихи — И. Елин; Ах, милый-милый! / В жажде поражения / Забыл слова прощальные сказать! — В. Ерофеева; Я бежала бы с Вами далеко-далеко / И летала бы с Вами высоко-высоко — В. Ерофеева; Близко-близко дожди, / Пойдут теребить на дорогах / Ломкий ворох листвы, / Превращая отжившее в тлен — А. Мелешко; Еще чуть-чуть — и оживет округа: / Пастух кнутом ударит в палисад, / Заржет коняга, заскрипит подпруга, / Как много-много лет тому назад... / Природа

просыпается — пора! / Вот-вот — и вдруг прозреет вся Россия... — В. Наточий; ... робко-робко дышат свечи / На запыленный абажур — О. Черемухина.

Как можно заметить, основная цель дефисной подачи — отражение степени количественной характеристики изображаемого.

В-шестых, отмечается увлеченность поэтов парцелированной подачей повторяющихся лексем, причем оформляются эти лексемы различными знаками препинания, что отражает авторское настроение, ср.: Далекой мечтой / В тебе раствориться, / В тепло превратиться, / Как сердце, забиться — / С тобой! / С тобой! / С тобой! — Т. Антоненко; Я от подлости / Людской / Горю / Мерцающей свечой... / Горю... / Горю... / И не сгораю... — М. Бороздин; А в общем-то я / Удивительно чуткий. / И радость, и горе / Вбираю, как губка, / И сердце во мне / Стучит... / Стучит... / Я вслушиваюсь — болит. — А. Цирлинсон; И — вперед! / И погонщик стоит за спиной! / И всегда — только рысь! / Только рысь! / Только рысь! — А. Цирлинсон.

В-седьмых, иногда авторы для привлечения внимания читателей к семантике корня повторяющихся слов вводят в контекст другие слова с этим же корнем: Молись о нем (о любимом. — Л. И.), молись так, как молила / О нем жестокого бога своего, / Держи его, держи... / Ведь я не удержала, / Недоборолась, сразу отдала — В. Абрамова; Я испугалась воды, / Вкрадчивой, теплой, нежной: / Она лилась, лилась, лилась — / Выливалась из туч — В. Ерофеева; Спят писательские дачи / Под созвездиями небес... / А под этой страшной крышей, / Натянувшей провода, / Кто-то пишет, пишет, пишет, / Не сопьется никогда — Е. Курдаков; Хожу, хожу — не нахожусь! / Гляжу, гляжу — не нагляжусь! / Живу, живу — не наживусь! / И в добром сердце — только Русь — И. Лысцов; Хочу, чтоб хотелось мне жить и жить / И славить любовь и жизнь — А. Мелешко; Ожидается похолодание, / Похолодание, похолодание, / Потому что гуси летят с севера / И гонят пред собой холода — П. Рыков; ... страшно хочется забыться / И все забыть, и все забыть, / Но сердце бедное боится / Хотя б мгновенье упустить — А. Тепляшин; Я болен бегством, болен бегством, / Бегу от самого себя — В. Флейшер.

В-восьмых, поэтам нравится повторять одну и ту же лексему, соединяя с разными объектами; эта настойчивость, несомненно, заставляет читателя обратить внимание на повтор: Ступай дорогою люблю, / В любом селе останись — / Прекрасно небо голубое, / Прекрасна радостная высь... / Прекрасен ковш с водой прозрачной / В девичьей медленной руке... — Д. Даминов; Уходит женщина, уходит — / И с ней уходят звуки, краски! — И. Елин; Ничья жена. Ничья невеста. / Ничья любовь — / Я ощущаю повсеместно / Боль этих слов — М. Жук; Старая деревня. Старые липы / Старые улицы, дом. / В пасеках старых спокойно и тихо: / Дымом смирили пчел — А. Ляпунов; Гляжу вперед — не вижу впереди, / В своей стране какой иду дорогой... / Здесь, может быть, незрячая страна, / И все мы в ней незрячие такие... / Плывет совсем незрячая луна, / А под луной Россия — не Россия... — П. Попов; Рябиновые зори. Рябиновый закат / В рябиновом уборе / Рябины — в один ряд — В. Филатов.

Среди контекстов со словесным повтором имеются такие, которые содержат *политотон*, или *многопадежие*; в них повторяется одна и та же лексема, но в разных падежах. Такой прием позволяет представить читателю разные стороны описываемого объекта, например: ...мама скажет: «Ночью птицы / Кричали нынче высоко — / К снегам». Она снегов боится: / Через снега сюда пробиться / Бывает очень нелегко — Д. Даминов; Исток — и устье, я — не я... / И, вытекая из себя, / В себя обратно я впадаю... / И круг — вода, и я — тот круг, / И в круге я, и я вне круга, / И каждый год, как новый звук, / Мне возвращается оттуда — Н. Ермашова; Есть у меня железное табу — / Не поклоняться каждому столбу, / Ни наяву, ни в самом страшном сне, / И даже тем, что кланяются мне. /

Бывает, сядешь чинно за столом / С каким-нибудь сиятельным столбом, / А он с поклоном: «Честь имею, столб!» / И сразу ноги грязные на стол, / И к сердцу — вороненые стволы, / Такие же тупые, как столбы, / И тут же мордой вас о ваш же стол... / А что ему? На то они и столб... / Нельзя, друзья, у каждого столба / Раскланяться, не раскровивши лба — Ю. Селиверстов.

В особое выразительное средство исследователи выделяют повтор какой-либо единицы языка в начале строк — строфы или всего текста; это средство называется *анафорой*, или *единоначатием*.

В наших материалах функцию анафоры выполняют и слова, и словосочетания, и предложения.

Анафорическими могут быть слова разных частей речи — и самостоятельных, и служебных: Я услышал ночью / Соловьиный голос, / Соловьиный щекот, / Соловьиный свист — И. Бехтерев; ... среди бытовой шелухи / Доброту я искала прилежно / И писала о счастье стихи, / Веря в то, что оно неизбежно, / Веря в молодость вечную, в труд, / Веря в совесть — свою и чужую — Е. Горина; ... глухо, зловеще, / Как из колодца, / Песня по лагерю смерти несется, / Никто не убьет ее, не остановит — / Песню, пропитанную слезами и кровью, / Песню — прощанье, / Песню — всхлип, / Песню — проклятье, / Песню — хрип, / Которая, как насмешка, тюремщиков дразнит, / Песню, родившуюся накануне казни, / Песню, не успевшую отплыть на просторе, / Песню, рыдающую на пути в крематорий, / Песню, которая с утра, на рассвете, / Хлынет в историю позывными столетий — И. Елин; Рано вечер наступает — / Рано! / Рано розы отцветают — / Рано! / Не жила я, угасать — / Рано! / Не желаю уступать — / Рано! / И о том, что все прошло, / Ныть — / Рано! / Но тоска моя пришла / Так неожиданно! — В. Пашенина; Посреди зимы — / Тонкий запах лета — / Там, где снова мы, / Там, где много света, / Там, где счастье нам / Снилось утром ранним... / Что-то было там, / Что-то между нами — Е. Тимофеева; см. также тексты И. Игнатковой «Четыре угла — и дверь...» (слово «четыре» открывает 12 строк), Ю. Селиверстова «На пятом десятке...» (слово «немного» начинает 13 строк).

Выполнять функцию анафоры могут и служебные слова: *союзы* (Чтобы не ставила жизнь / На печали печать, / Чтобы пасмурный день / Мог серебряным стать, / Чтобы бес по ночам не тревожил, / Избавляйся от хвори и дрожи — В. Бакулин; Эко наvertsело, эко намело! / Все на свете бело, / Словно не цвело, / Словно не бывали вместе я и ты, / Словно не собирали во поле цветы, / Словно не качался над цветами шмель — / Только дует ветер да чудит метель — П. Рыков; Стихи бывают очень злы, / От них ни скрыться, / Ни спастись, / Хоть причащайся, / Хоть постись, / Хоть сгинь за тридевять земель, / Хоть затони, / Хоть сядь на мель, / Хоть волком взвой, / Когда поют: / Они обложат — / И убьют — Ю. Селиверстов); *предлоги* (К власти над землей растут деревья. / К власти над слабым — инстинкт зверья. / К власти над мечтой просят смиренья. / К власти над душой — поэзия... / К власти над страхом — шаг за порог. / К власти над соплей шмыгает нос. / К власти над любовью пляшут пороки. / К власти над безвластьем — капанье слез — А. Крюкова; На кусочки — последнее фото. / На кусочки — последнюю грусть. / На кусочки тебя — не кого-то... / И забудется прошлое пусть. / На кусочки... / А раньше хотела, / Хоть на фото, но видеть тебя, / Но куда-то мечта улетела, / Нет, убил ты ее — не любя. / На кусочки — последнее фото: / (Нет, единственным было оно) / И не грустно ни капельки что-то, / Просто мне в этот час все равно... — Ю. Проскурина; Я иду по свету, / Я иду по следу, / По земному шару, / По первому снегу, / По улицам — сказкам, / По новым песням, / По белому насту / Шагаю весело — В. Флейшер; Ни квартирному, / Ни мобильного, / Но душа принимает звонки / От ручья и соловушки дивного, / От волны беспокойной реки, / От звезды, что повисла над крышею, / От волнующихся облаков... —

Л. Чернова; см. также стих З. Музыка «Спасибо, Господи, за каждый жизни миг...» — 12 раз предлог за — и стих И. Игнатковой «За то, что нет во снах противоречий...» — 10 раз предлог за).

Роль анафоры могут выполнять не только слова, но и словосочетания: Снова пики — в масть! / Мне еще почитается / И попишется всласть, / Мне еще порисуется / На суровом холсте, / Мне еще порифмуется / На осеннем листе — Ю. Селиверстов; Я с тобой, а это и просто, и сложно, / Я с тобой, с моей раненной в сердце страной, / В этот час роковой, безнадежный / Я с тобой — К. Сопрунюк; В сорок лет походку не меняют, / В сорок лет совсем иные чувства, / В сорок лет острее ощущают / Грань искусственности в искусстве — В. Флейшер; Всегда легко чужих врагов / Понять и все простить. / Всегда легко чужих богов / На твердь земли спустить. / Всегда легко чужую роль / Не принимать всерьез. / Всегда легко чужую боль / Воспринимать без слез — А. Цирлинсон.

Более выразительно выглядит анафора, когда она начинается каждую строфу текста, например, у Н. Акисовой в стихотворении «Не понять, отчего / Голубые глаза затуманили слезы...» все 4 строфы начинаются со слов «Не понять, отчего...»; у Т. Басковой все 6 строф начинаются словами «Все русское — все лучшее...»; во всех строфах у Е. Веретенцевой анафорой выступает предложение «Свеча горела»; у И. Елина — «Уж если расставаться, / Погоди, пока...»; у А. Кирилловой — «На перепутье трех...»; у О. Мяловой — «Видишь, вон над планетой / Сияет Звезда Чести...»; у С. Поповой — «Вот и кончилась осень...»; у Ю. Селиверстова — «Мои конвоиры...»; у А. Тепляшина — «Моим друзьям последнее «прости!»...»; у А. Филатова — «Без любви...»; у Г. Шиндяева — «Послушай шум воды...» и др.

К числу повторяющихся признаков у анафоры следует отнести такие: во-первых, активное выдвигание в начало строк глаголов в повелительном наклонении (понятно, что многократный повтор усиливает и просьбу, и мольбу, и наказ и т.п.): Пусти меня, Женька, / В твой маленький мир, / К твоему синему-синему морю, / Пусти на лимонный прибрежный песок, / Пусти меня, Женька, туда на часок, / Пусти! Я ведь родом оттуда... — И. Елин; Стань мне небом, / Стань мне морем, / Стань землей, / Стань мне счастьем, / Стань мне горем — / Будь со мной! — Т. Мамедова; Научи меня разлуке / (Что смеешься? Не молчи!) / Научи не помнить руки, / Губ не помнить научи, / Научи забыть, забыться, / Научи не вспоминать, / Сердце научи не биться, / Душу — чувствам не внимать — П. Рыков; Занавесьте мне зеркала, / Да не тем, что ночь соткала, — / Занавесьте их бахромой, / Что с ресниц спадает зимой, / Занавесьте шелком травы / И платком с ее головы, / Занавесьте снежной фатой, / Из кувшинок нежной водой — Ю. Селиверстов; Эй, товарищ музей! / Наш урок посети, / С нами рядом за партами посиди, / Посмотри, как мы учимся, / Посмотри, как мы пишем, / Посмотри, как на пальцы холодные дышим — Г. Хомутов; во-вторых, нередко авторы используют анафору для представления лирического героя, осуществляющего какое-либо действие: Я смотрю на тебя. / Я смотрю. Я хочу насмотреться. / Я смотрю и смотрю / Ты не веришь, / Что это от жажды видеть тебя — В. Ерофеева; Я хочу тебя видеть сегодня, / Я хочу тебя видеть сейчас... / Я хочу побыть с тобой рядом, / Я хочу прикоснуться к тебе... / Я хочу услышать твой голос / Я хочу услышать твой смех, / Я хочу сказать тебе, милый, / Что люблю я тебя больше всех! — Л. Жазбулганова; Я помню, как до дна промерзли лужи, / Я помню голых лип сиротский взгляд, / Я помню город, грязен и простужен, / Когда нам был ниспослан снегопад — М. Жук; Я боюсь к тебе привыкнуть, / Потому что это — слабость, / Я боюсь к тебе привыкнуть, / Потому что это — сладость — Н. Лукьянова; Я к вам вернусь, / Приду, когда приеду, / (И даже, если сладится, к обеду) / Я к вам вернусь / (Готовьте стол и брагу!) / Пора проверить каменку и тягу, / Пора промерить все, / Что дальше будет. / Я к вам вернусь. / Вы только верьте, люди! —

Ю. Селиверстов; Я хотел бы быть услышанным этой страной, / Чье ворчанье всегда превращается в рык — / И врезаются в уши привычной виной / То ли крик ликования, то ли ужаса крик. / Я хотел бы быть услышанным этой страной, / Чья беда — эта вера в неясную высь. / И — вперед! И погонщик стоит за стеной, / И всегда — только в рысь! / Только в рысь! / Только в рысь! / Я хотел бы быть услышанным этой страной. / Здесь, на этой земле, и могилы, и кров, / Но завеса молчания висит надо мной, / А вокруг — гром оваций и лозунгов кровь — А. Цирлинсон; в-третьих, авторы не отказываются от стремления усилить воздействие анафоры различными способами: сопровождают ее или градацией, или параллелизмом, или добавлением прямой речи: И больше никогда / Ни с худом, ни с добром / Я не войду в твой дом, / Я не войду в твой дом — Н. Акисова; Мне говорят: «Не надо портить нервы!» / Мне говорят: «Не обращай вниманья!» / Совет такой же я даю, во-первых, / А во-вторых, его ни принимаю — А. Мелешко; Кончается день. / Кончается год. / Кончается век — / Закругляется эра — О. Мялова; Эти строчки письма — / Горло сжавшие руки... / Расползаются слухи... / Тьма... / Разлетаются слухи... / Разлетаются слухи... / Разлетаются слухи, / Как обрывки письма — А. Цирлинсон; На старой машинке / Я вечные буквы стучу... / На старой машинке / Я слово за словом стучу... / На старой машинке / Я строчку за строчкой стучу... / На старой машинке строфу за строфою стучу — / И вот появилось рожденное стихотворенье... — А. Цирлинсон; в-четвертых, повторяющиеся единицы языка поэты оформляют разными знаками препинания, отражая тем самым разные авторские эмоции: Как много слов, что не сумел найти я! / Как много дел, свершенных лишь в мечтах! / Как много книг хороших я не знаю! / Как мало создал сам хороших книг! — И. Елин; Почему так печален вечер? / Почему так кричали струны / Проводов? Почему под вечер / Очи теплятся светом лунным? / Почему опадают свечи / Нас тревожащими огнями? / Почему иногда под вечер / Я готова лететь на пламя? — Е. Кирнасюк; В моем краю с утра и до утра / Бушуют казахстанские ветра: / Они режут (Что стоит им сорваться!) / Они свистят (Что может быть сильнее!) / Они несутся (С яростью сарматской / По всем просторам пашен и полей!) — В. Кузнецов; Кто-то любит меня... / Вспоминает... / Мою душу в ночи окликает — / Потому и не спит она... / Кто же любит меня? / Вспоминает? / Мою душу в ночи окликает? — Н. Лукьянова.

Эпифора, то есть повтор какой-то конструкции в конце строф, встречается в наших материалах редко (кстати, существует мнение, что русской поэзии, в отличие от восточной, данный вид повтора не свойственен).

Заканчивать строфы могут и одно слово, и целые предложения (чаще): Вспомнила я ночь, пустой вокзал, / Холодный, страшный ветер ниоткуда... / Твой взгляд в окно пощечиной мне стал. / Чужие... / А поверить трудно. / Чужие... А поверить в это надо. / Чужие... / Ты — подлец, а мне быть сильной. / Чужие... / Боль моя — тебе награда, / Живи и смейся, ну, а я бессильна... — Е. Тимофеева; иногда к повторяющемуся слову авторы добавляют различные определения, тем самым увеличивая объем информации: Зима такая ранняя, / Так холодно и пусто... / Искусство расставания — / Опасное искусство. / Минут чередования — пугающее чувство. / Искусство обещания — / Ненужное искусство... / Как страшно знать заранее, / Мучительно и грустно: / Искусство ожидания — / Ненужное искусство... — М. Жук.

Более охотно поэты используют в качестве эпифоры предложения: Ну, что еще? / Какого вам рожна? / Каких еще вам радостей и болей? / Художнику лишь только мысль важна. / Все остальное — техника. Не боле / А вы берете душу в оборот. / Вам главное — значенье вашей роли. / Художнику лишь ощутить полет. / Все остальное — техника. Не боле. / А вы довольны собственной судьбой. / Для вас чужое творчество — раздолье. / Художнику всего нужней любовь. / Все остальное — техника. Не боле. / Все остальное —

мишура и бред. / А вы на раны не жалеете соли. / Всего важней услышать ваше «Нет». / Все остальное — техника. Не боле — А. Цирлинсон; В снегу протоптаны следы — / Шагай, шагай... / Пусть даже орды обезьян, / Тебе в лицо и шум, и гам — / Шагай, шагай... / Пристанут — челюсти круши, / Хвосты узлами завяжи — / Шагай, шагай... / И ты вниманья на них / Не обращай — / Шагай, шагай... — Н. Чернова; иногда строку, выполняющую роль эпифоры, поэты усиливают каким-то элементом. В. Моисеев в стихотворении «Пиши пропало» так заканчивает строфы: первую — И осень дарит нам последнее тепло, / которого мне так недоставало; вторую — И осень дарит мне последнее тепло / Для сердца, что так часто застывало; третью — И осень дарит мне последнее тепло: / Ты для меня тепла не отыскала; четвертую — И осень дарит нам последнее тепло: / Забудь меня и напиши: «Пропало!».

Обратил на себя внимание тот факт, что П. Рыков в стихотворении «Полночный вагон электрички...», заканчивая 5 строк эпифорой, вносит в нее еще и хиазм: Не жди, не проси, не бойся, / Не бойся, не жди, не проси!

Выразительно звучит во всех 5 строках у И. Елина такая строка — эпифора «Это значит, / Что осень на землю пришла», у Е. Тимофеевой — в 3 строках — «Просто устали в конце октября».

Таким образом, вышеописанное средство также привлекает внимание оренбургских авторов.

Еще одной разновидностью повтора считается *параллелизм* — однородное синтаксическое построение двух (и более) предложений (или частей их). Этот вид повтора также представлен в наших материалах: иногда части различаются лишь одним словом (...не печалил первый снег, / Не печалил снег последний — Л. Дружинина; Как это было просто — ненавидеть, / Как это было просто — уходить... / Я не могла тогда еще предвидеть / Того, как это страшно — дальше жить — М. Жук; Осенью вздохи легки, / Осенью вздохи слышней — / Влажные вздохи реки, / Звонкие — в роще за ней — В. Одноралов; Мне в жизни многого не надо, / А ты — нужна, / Ты — мне нужна — П. Попов; Да что-то все не так, / Да что-то все не эдак... / Помог бы, коль мастак / В людских копать бедах! — Ю. Селиверстов; Надежда покинет, / Любовь обмелеет, / Мечта улетит, / А сердце не стынет, / А сердце не тлеет, / А сердце — горит! — А. Цирлинсон.

Более объемный набор контекстов, содержащих одинаковые по строению предложения (синтаксический параллелизм) и одно слово или словосочетание, объединяющие по смыслу эти конструкции: И куда, скажи, податься, / Окрестить какую гать: / Смерти ль самому отдаться, / Смерти ли коня предать? — В. Абрамова; Новая жизнь во мне! / Господи, благослови! / Миру хочу дарить / Только детей любви! / Столько в душе тепла! / Столько в сердце огня! / Господи, благослови / И поддержи меня! — Н. Акисова; Когда я свой путь по земле завершу, / Как жаль мне стихов, что не допишу, / Как жаль мне тех слов, что не произнесу... — В. Бакулин; Дневные слезы сушат хуже смерти, / Ночные слезы утоляют боль — Н. Емельянова; Твой голос из меда и роз / Мне сладко о чем-то шептал, / Твой голос из меди и гроз / Заботливо — властно внушал, / Твой голос из неги и грез / О верности вечной вещал, / Твой голос из неба и звезд / Мне рай на земле обещал — В. Ерофеева; Как солнце в небе не присвоить, / Как небо не прибрать к рукам, / Так и Россию, мира совесть, / Не одолеть ее врагам — И. Лысцов; Весну, суету и слякоть / Нет силы преодолеть... / Мне еще плакать и плакать, / Сердцу болеть и болеть... — Е. Пудова; Сказка сказывалась скоро, / (Словоблудить — не впрягаться...) / Сказка складывалась модно — / Ни словечка не пропало! — Ю. Селиверстов.

Обращаются поэты и к *хиазму* — повтору компонентов конструкции с заменой порядка их расположения.

Названный вид повтора может быть реализован в предложениях — простых и сложных: Доверие! В душе найти эту черту / Несложно... / И отсюда вытекает, / Что в нас не доброта доверие рождает — / Доверие рождает доброту — В. Бакулин; Сосны. Песок / Песок. И сосны / Финские домики, / И в домике — / Я — И. Елин; Тело пело! Пело тело, / ... Тело пело о стране, / Из которой выход в море... — В. Ерофеева; Но как же это все могло случиться? / В кольцо сомкнулись все мои пути: / Я ухожу, чтоб снова возвратиться, / И возвращаюсь, чтоб опять уйти — А. Старых.

Повторяться могут словосочетания: От меня до тебя — только чистый снег / И дорог незнакомых безлика гладь. / От тебя до меня — не рукой подать. / Мир от солнца скрыт пеленою зла. / От меня до тебя — тонкий луч тепла. / Но растопит мрак непроглядной зги / Свет высоких звезд, теплый свет любви! — А. Ганюшкина; И во всем огромном мирозданье / Не спрошу у Бога ничего, / Только след от твоего дыханья, / Только след дыханья твоего — П. Рыков; Как близнецов не отличить / (Пустое дело!), / Нам никогда не отличить / Души от тела... / Так что живи и не спеши / Грешить безбожно! / Вот если тело от души... / Так это можно! — Ю. Селиверстов.

Отмечен хиазм и в использовании только одного слова: Я помнил в этой жизни каждый миг. / И каждый вздох, и каждый выдох помнил — Ю. Селиверстов; Все замерло в природе и во мне: / Застыло море. И душа застыла — В. Флейшер; Впереди — листопад и дожди. / И морозы, снега — впереди — А. Фурсов.

К числу особенностей в использовании хиазма можно отнести следующее: во-первых, введение в переставляемую конструкцию уточняющих, дополняющих элементов: Всему виной — глаза твои, твои глаза зеленые — / Как будто бы два озера с зеленою водой — Н. Акисова; Вот деревня — часть белого света, / Света белого твой уголок — Н. Волженцев; Уехал. Меня оставил. / Оставил меня одну — Е. Пудовкина; во-вторых, замена какого-то элемента в переставляемой конструкции с противоположной семантикой: И от клена легкая тень, / И тяжелая тень от рамы / Мне сказали, что кончился день. / Зря я жду у окна упрямо — М. Жук; ... без слов / Сердце чувствует близкого друга: / Очень большая штука — любовь. / И жизнь — очень малая штука — П. Попов; в-третьих, особое приращение авторов к хиазму при изображении действия, ср.: Ты видишь, приходит холод? / Ладони согрею дыханьем, / Дыханьем согрею и город — / Тебе и себе в оправданье — Н. Крятова; День обещает быть отличным, / Отличным обещает быть — И. Малов; Не то, чтобы море бушует, / А так: набежит, отбежит, / Щебенку крушит и шлифует, / Шлифует и снова крушит — В. Одноралов; Толпа всегда была болтуньей, / Когда она толпой была — Г. Хомутов и т.п.

Реже нам встретился *подхват* — повтор какой-либо конструкции на стыке строк: Здравствуй, мама! / Кончен бой жестокий. / А в бою не каждому везет. / Тело мое выловил в потоке / Наш лихой комвзвода. Вот и все. / Вот и все! Душа парит над миром — В. Одноралов; Я к Вам еще вернусь. / Еще вернусь. / И потревожу Вашу безмятежность — А. Цирлинсон.

Как правило, вторая строка содержит дополнительную информацию, раскрывающую или обстоятельства, или определения, иногда — сразу несколько: Об одном я прошу: не молчи, / Не молчи, если есть что сказать — В. Бакулин; На этой войне не наступит победное утро, / Останутся только осколки расстрелянных дней, / И позже напишут о ней отвлеченно и мудро, / Так мудро, что правды почти не останется в ней — С. Бурдыгин (об Афганистане); Сквозь безжалостные зимы, / Сквозь заснеженные звезды / Отыщу ли твое имя, / Имя, легкое, как воздух? — А. Ганюшкина; Все это было. / Было очень мило. / И ветер мне когда-нибудь шепнет: / «Ты помнишь женщину, которая любила? / А ты уверен, что она не ждет?» — А. Гвозденко; Король — это просто пароль, / Который при-

думала свита, / Придумала / Наспех, / В сердцах, / Раздав все секиры и роли — / И, знать, потому во дворцах / Так часто меняют пароли — Ю. Селиверстов; Раннею весною плакали березы, Тихо проливали сладостные слезы — / Слезы возрожденья солнечного света, / Слезы возвращения песенного лета — В. Филатов; Смешно подумать: что — балалайка? / А вот попробуй-ка — с ней совладай-ка! / Она мне снится три ночи кряду, / Три долгих ночи — и нет с ней сладу... — А. Фурсов; Толпа всегда была болтуньей, / Когда она толпой была, / И нарекла тебя колдуньей, / Колдуньей нашего села — Г. Хомутов.

Отмечен нами даже факт использования двух подхватов: Посреди пустынного мира, / Как последний лист одинокий, / Отрываюсь от ветки и падаю, / Падаю мимо, / Мимо мертвой холодной земли — Д. Ким.

Думается, что приведенные контексты убеждают читателей в том, что двойной повтор, да еще с расширением и углублением информации, усиливает восприятие того, о чем пишет поэт.

Целый ряд авторов использует в своих произведениях *кольцо* — такой вид повтора, при котором в конце текста повторяется какой-либо компонент его начала.

Это может быть строфа: И. Малов и начинает, и заканчивает стихотворение такими строчками: Синеву процеживает летом / После ливня свежая листва, / Земляки идут — / Идут с рассветом / В лес послушать, / Как растет трава; также повторяется строфа у П. Переплетчикова: Надоело говорить и спорить / И мозолить руки без конца! / Гнева — море, за гроши и горе. / Скулы сжаты. Не видать его лица.

Иногда авторы реализуют кольцо, обращаясь только к одному предложению: у А. Ганюшкиной — Утро вечера мудренее; у Л. Долгих — Скажите, что значит любовь?; у В. Флейшера — По России дожди, слякоть и непогода.

Реже в качестве кольца выступает словосочетание: Банальная подробность нашей жизни, / Которую мы много лет не знали / (Тут, видимо, не обошлось без Бога), / В том, что мы жить не можем друг без друга — / До выдоха последнего иль вдоха, / Хочу я, чтоб сохранила память / (А мы с тобою больше не скрывали) / Банальную подробность нашей жизни — В. Флейшер.

Почти всегда поэты каким-либо образом модифицируют окольцовывающую конструкцию. Они заменяют какой-то ее компонент: Печаль моя светла, / Как тусклый день осенний ср.: Как век назад, / Печаль моя светла — И. Елин; До свиданья, дом с сиренью! / Скрип ворот моих — как грусть. / Может, я останусь тенью / В жизни новой? Ну и пусть! ср.: До свиданья, дом с сиренью! / Скрип ворот моих — как грусть. / Не останусь в жизни тенью / И когда-нибудь вернусь — П. Переплетчиков; Пусть скажут мне: «Взрослеть пора, / Уже ведь в возрасте ты, Таня». / Я промолчу, потом вздохну, / Потом скажу: «Идите в баню!» ср.: Пусть скажут мне: «Взрослеть пора, / Уже давно ты — баба Таня». / Я промолчу, потом вздохну, / Потом скажу: «Идите в баню!» — Т. Савина; Завтра снова зима, / Как всегда неизбежна ср.: Значит, снова зима, / Как всегда неизбежна — Ю. Селиверстов;

Поддача окольцовывающей конструкции может сопровождаться перестановкой ее компонентов — хиазмом: Прихожу — темно. Ухожу — темно ср.: — Ухожу — темно. Прихожу — темно — Е. Пудовкина; И опять ребятишки играют в войну ср.: Но такая на сердце тревожная грусть, / Оттого что играют в войну ребятишки — А. Фурсов; В общем-то, это не много — / Время одной сигареты / Здесь — на земле, у порога, / В поисках правды и света ср.: Высшее в мире искусство — / Просто молчать и томиться / Здесь — на земле, у порога, / В поисках правды и света... / В общем-то, это не много — Время одной сигареты — С. Хомутов.

Авторы используют еще одну возможность модификации конструкции — изменяют ее интонационный рисунок: Мой берег вечный, река без края, волна и ветер! / Как мало

надо, чтоб быть счастливым на белом свете! ср.: Мой берег вечный, река без края, волна и ветер — / Что еще надо, чтоб быть счастливым на белом свете? — Е. Курдаков; Я так тебя любила. / Я так тебя хотела ср.: Я так тебя любила! / Я так тебя хотела! — В. Пашина; Видишь, осень шагает непрошено / Не по листьям в саду — по нашим сердцам ср.: Видишь, осень шагает непрошено / Не по листьям в саду... / По нашим сердцам... — П. Попов; Что небо мне! / Я по земле хожу. / Я приземлен. / И мне полет не прочат ср.: Вздохну тайком я / И крыла сложу. / Что небо мне — / Я по земле хожу. — А. Цирлинсон.

Реже встречаются факты сопровождения кольца анафорой, эпифорой, эпанафорой, например: Пой мне еще. / Пой мне еще. / Твой голос дрожащий — / Как одинокий лист на ветру. / Камень в траве у дороги лежащий, / Ворон усталый, над нами летящий, / Внемлют тебе. / Пой мне еще. / Пой мне о зимнем искрящемся утре, / Пой мне о перебирающем струны / Ветре. И древние руны / Вновь оживут. / Пой мне еще — Д. Ким; Скажи мне нежные слова, / Я их не слышала давно! / Любовь не вечна — все равно — / Скажи сердечные слова — Скажи мне жаркие слова / (Холодных слышала немало!) / Я молода, я ждаль устала... / Скажи мне нежные слова. — В. Филатов.

Кроме охарактеризованных (словесного повтора, анафоры, параллелизма, подхвата, хиазма, кольца), есть единичные факты употребления других видов повторов. Так, *эпанафора* представлена в таких текстах: Твое окно. / Пусть будет тусклым твоё окно, / Пусть будет черным. / Пусть будет... / Пусть будет черно все. / Пусть будет тускло все. / Пусть будет холодно. / Пусть будет — / Когда ты — без меня. / Когда я — без тебя. / Пусть будет — В. Ерофеева; Мы никогда не скупимся на сигареты и спички. / Нас никогда не волнует внешне — внутренняя среда. / Мы никогда не убираем мусора — на это есть дворники и технички. / Чтоб мы подняли с пола бумажку?! / Да что вы! / Мы — никогда... / Мы никогда не знаем, что творится на нашей планете. / Мы даже не догадываемся, зачем мы пришли сюда. / Мы никогда не знаем, за кого мы всю жизнь в ответе. / Чтоб мы защищали кого-то? / Да что вы! / Мы — никогда — О. Мялова.

Встретился нам текст, очень приближенный из-за порядка повторяющихся строк к *триолету*: Все было белым: стены, потолок, / У изголовья сбоку кто-то в белом, / Моя рука в движении несмелом, / И простыни измятый уголок / Моя рука в движении несмелом / Легла под грудь и шарилась вокруг: / Там пустота образовалась вдруг — / Я сознавал и памятью и телом... / Там пустота образовалась вдруг / Под бугорком из марли с ватой, что ли, / На месте было все, не стало боли — / Источника моих недавних мук. / На месте было все, не стало боли, / И я поверить все еще не мог, / Ощупывая мягкий бугорок, / Где лишь чуть-чуть горело, как от боли... / А я поверить все еще не мог, / Что все, как есть, во мне осталось целым, / Что боль без выкупа рассталась с телом, / Взамен оставив мягкий бугорок. / Что боль без выкупа рассталась с телом — / Мне чудом представлялось. А вокруг / Все было тихо, буднично. И вдруг / Я вспомнил: рядом врач в халате белом. / Все было тихо, буднично. И вдруг / Сорока за окном заверещала... / Врач отошел — и это помешало / Моим губам его коснуться рук — А. Фурсов.

Приведенные тексты из стихотворений, на наш взгляд, могут свидетельствовать о значительном инвентаре повторов разных единиц языка, о многообразии функций этих повторов, об авторских модификациях каждого из них, об активности их использования в поэтической речи, в том числе — и в речи оренбургских поэтов.

Список использованной литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.

2. Иванова Л. В. Стилистические функции словообразовательных средств в поэтической речи (на материале произведений авторов Оренбуржья) // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. 2010. № 3—4 (56).
3. Иванова Л. В. Стилистика словообразовательных единиц (по дисциплине «Филологический анализ текста») : метод. пособие. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 32 с.
4. Толстой А. Н. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1946—1951. Т. 13. М., 1949. 676 с.

Поступила в редакцию 05.07.2012 г.

Людмила Владимировна Иванова, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: kafrussogpu@yandex.ru

L. V. Ivanova

Repetition as an expressive means of poetic language (based on works of Orenburg authors)

Using the contexts extracted from the poems of Orenburg authors, the article characterizes verbal and syntactical repetitions and dwells on their use in poetic speech.

Key words: verbal repetition, poliptoton, anaphora, epiphora, parallelism, chiasmus, anadiplosis, ring, epiphora, triolet.

Lyudmila Vladimirovna Ivanova, Candidate of Philological Sciences, assistant professor
Orenburg State Pedagogical University
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: kafrussogpu@yandex.ru